

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ*

Н. Н. Серегин, А. Н. Мухарева

УДК 902/904

В статье представлен анализ истории изучения петроглифов Алтая эпохи раннего средневековья. Рассмотрен процесс накопления информации об изображениях второй половины I тыс. н.э. из различных частей региона. В истории изучения раннесредневековых петроглифов Алтая выделены три основных этапа: 1) XIX в. – 1950-е гг. – период начального накопления сведений о наскальных изображениях; 2) 1960-е – начало 1990-х гг. – период целенаправленного изучения наскальных рисунков на территории Алтая; 3) конец XX – начало XXI вв. – современный период. Основной тенденцией настоящего времени является рассмотрение наскальных изображений, а также рисунков, зафиксированных при исследовании погребальных и поминальных комплексов, как важного источника для анализа различных аспектов истории кочевников Алтая второй половины I тыс. н.э.

Ключевые слова: Алтай, петроглифы, раннее средневековье, история изучения, периодизация, тюркская культура

Введение

Археологические памятники Алтая¹ эпохи раннего средневековья позволяют проследить сложные процессы формирования и развития обществ кочевников этого времени. Традиционно основными источниками для реконструкции истории региона во второй половине I тыс. н.э. считаются погребальные и поминальные комплексы. Результатам анализа и интерпретации таких объектов посвящена обширная научная литература (см. обзор: [Серегин, Матренин, 2014, с. 61–116]). Гораздо меньше внимания уделяется в публикациях исследованиям петроглифов эпохи раннего средневековья, долгое время по разным причинам остававшимся за рамками научных интересов археологов.

Данная ситуация обусловлена рядом обстоятельств. В частности, несмотря на то, что петроглифы тюркского времени известны на многих памятниках Алтая (рис. 1–6), активно исследоваться и вводиться в научный оборот изображения второй половины I тыс. н.э. стали сравнительно недавно – с 80-х годов прошлого столетия. Это объясняется и труднодоступностью памятников, и особенностью самих петроглифов, многие из которых выполнены

тончайшими резными линиями и не всегда хорошо видны. На протяжении длительного времени важным сдерживающим фактором было отсутствие методики и опыта работы с гравированными рисунками [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 107], а также технических возможностей для точного их копирования.

Тем не менее, в результате работы различных исследователей на сегодняшний день можно констатировать, что пласт рисунков тюркской эпохи выделен, а накопленный объём данных требует систематизации и детального анализа. При этом большая часть публикаций посвящена введению в научный оборот сведений о конкретных памятниках [Молодин, 1992; Martynov, Miklashevich, 1995; Kubarev, Jacobson, 1996; Миклашевич, 2003; 2006; Мартынов, Елин, Еркинова, 2006; Черемисин, 2000; 2004; Кубарев, 2011; и др.], интерпретации отдельных сюжетов и образов [Кубарев В., 1990; 2001; Кубарев Г., 2003; и др.], рассмотрению возможностей привлечения изображений для реконструкции отдельных сторон культуры номадов [Горбунов, 1998; Кубарев, 2005, с. 111, 112; и др.]. Начиная с 90-х гг. XX столетия появились публикации, авторы которых обоснованно выделяют рисунки древнетюркской эпохи в хронологической колонке петроглифов Алтая в целом [Кубарев, 1999] и некоторых отдельных его районов [Молодин, Черемисин, 1995;

¹ Здесь и далее термин «Алтай» используется для обозначения территории современной Республики Алтай.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01271а2 «Комплексное изучение наскальных изображений эпохи раннего средневековья на памятниках Алтае-Саянского региона и Монголии»).

Рис. 1. Калбак-Таш III. Сцена охоты лучника на оленей и её фрагмент.

Миклашевич, 2000]. В качестве самостоятельного аспекта разрабатывается проблема документирования раннесредневековых изображений Алтая [Черемисин, 2004; 2011; Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013; и др.]. С исследованием наскальных рисунков связано изучение раннесредневековых личных тамг и надписей на скалах. Большая их часть находится на одних плоскостях с петроглифами и должна рассматриваться в контексте (см. обзоры: [Кубарев, 1992; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 14–16; Кызласов, 1992; 2003; и др.]). Очевидно, что на сегодняшний день необходимо разноплановое обобщение имеющихся материалов. Одним из аспектов такого исследования является анализ истории изучения петроглифов второй половины I тыс. н.э. на территории Алтая.

Основные экспедиции и исследователи раннесредневековых петроглифов Алтая

Появление первых сведений о петроглифах Алтая эпохи раннего средневековья связано с работами исследователей XIX в.: Г. И. Спасского, В. В. Радлова, А. В. Адрианова, М. А. Брещинского и др. Учёные и путешественники наряду с иными видами памятников (курганами, каменными изваяниями и пр.) обращали вни-

мание на «писанные скалы» и в разной степени фиксировали выявленные рунические надписи и рисунки [Демин, 1989; Дэвлет, 1994, 1997; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 2, 3; Тишкина, 2010, с. 72, 73; и др.]. Вполне понятно, что среди описанных ими изображений петроглифы второй половины I тыс. н.э. специально не выделялись.

Исследования наскальных рисунков на Алтае имели отрывочный характер и в первой трети XX в. Важно отметить, что появление информации о петроглифах не было связано с работами профессиональных археологов, которые, по замечанию Л. А. Евтюховой [1951, с. 189], редко обращались к изучению этого вида памятников. Так, значительное количество раннесредневековых наскальных изображений зарисовано известным алтайским художником Г. И. Чорос-Гуркиным в ходе его поездок по Алтаю в 1902 и 1903 гг., а также во время участия в Алтайской этнографической экспедиции «Общества изучения Сибири и её производительных сил» в 1930 г. [Еркинова, Кубарев, 2004, с. 88; Мартынов, Елин, Еркинова, 2006, с. 9, 10]. Часть этих петроглифов была впоследствии опубликована и подробно проанализирована в статье Р. М. Еркиновой и Г. В. Кубарева [2004], а некоторые из них также упомянуты в монографии, посвящённой наскальным рисункам Бичикту-Бома [Мартынов, Елин, Еркинова, 2006, с. 11, 13].

Одним из первых памятников, давших обширный материал для изучения культуры раннесредневековых тюрок Алтая, стал известный комплекс Кудыргэ. В 1924 и 1925 гг. исследование его погребальных и ритуальных объектов осуществлялось экспедицией Этнографического отдела Русского музея. Особое внимание было уделено анализу и интерпретации фигур, зафиксированных на валуне из кургана № 16, древнетюркская принадлежность которых позволяла на основании аналогий достоверно выделить пласт изображений эпохи раннего средневековья. Выгравированная на камне сцена коленопреклонения, подробно описанная и введённая в научный оборот С. И. Руденко и А. Н. Глуховым [1927, с. 51, 52, рис. 18], в дальнейшем была всесторонне рассмотрена в серии публикаций [Киселёв, 1951, с. 499; Гаврилова, 1965, с. 19–21; Длужневская, 1978; Могильников, 1981, с. 39; Суразаков, 1994; Мотов, 2001; Азбелев, 2010; и др.].

В 1930-х гг. сбором сведений о наскальных рисунках Алтая занимался П. П. Хороших, наря-

Рис. 2. Калбак-Таш II. Фрагмент сцены охоты.

Рис. 3. Калбак-Таш II. Сцена охоты.

ду с петроглифами различных периодов фиксируя изображения эпохи раннего средневековья. Обобщение известных ему материалов с использованием сведений учёных и путешественников XIX – начала XX вв. он привёл в статье 1947 г., представив краткую характеристику основных местонахождений. Помимо наскальных рисунков П. П. Хороших [1947, с. 31, 32] остановился на описании упомянутой выше сцены на валуне из комплекса Кудыргэ, подчеркнув исключительное значение данного объекта. Отдельно в статье был приведён список литературы «об алтайских писаницах» [Хороших, 1947, с. 33, 34]. В специальной публикации П. П. Хороших [1949, с. 132, 133] представил результаты изучения наскальных рисунков на комплексе Ялбак-Таш (Калбак-Таш). Известные ему изображения данного памятника археолог отнёс к скифской эпохе. Несмотря на неточности, допущенные при описании многих местонахождений наскальных рисунков, на которые впервые обратили внимание В. Д. Кубарев и Е. П. Маточкин [1992, с. 6, 7], с работами П. П. Хороших, несомненно, связано постепенное повышение интереса к петроглифам Алтая, в том числе к рисункам раннего средневековья.

Некоторые вопросы изучения раннесредневековых петроглифов Алтая обозначены в краткой заметке Л. А. Евтюховой [1951, с. 189, 190]. Поводом для обращения к данной тематике стали сведения о серии пунктов с наскальными изображениями, введённые в научный оборот А. И. Минорским [1951], обнаружившим «писанные скалы» во время съёмок киноочерков. По мнению Л. А. Евтюховой, часть зафиксированных им рисунков относится к VIII и IX вв., о чём свидетельствуют характерные формы изображённых предметов вооружения и конского снаряжения. Открытые А. И. Минорским

изображения исследовательница сопоставила с известными петроглифами Минусинской котловины, главным образом, с Сулекской писаницей, подчеркнув сходство не только в образах, но и технике нанесения рисунков.

Начиная с 1960-х годов, на территории Алтая проводились исследования несколькими отрядами ИИФФ СО АН СССР под общим руководством А. П. Окладникова. Особое внимание было уделено поискам новых местонахождений петроглифов и рунических надписей. Для их выявления и фиксации археологи ИИФФ СО АН СССР «использовали метод «сплошного» планомерного обследования всех скал и крупных валунов, на которых были или могли быть найдены наскальные изображения» [Окладникова, 1984, с. 3]. По результатам этих работ позднее вышла серия монографий о петроглифах долины р. Елангаш [Окладников и др., 1979; 1980; 1981; 1982], в которых приведены, в том числе, изображения тюркского времени, образующие одну из трёх больших хронологических групп, выделяемых исследователями [Окладников и др., 1979, с. 9]. Кроме того, фиксация наскальных рисунков осуществлялась в долинах рек Каракол, Катунь, Ак-Кол и др. [Окладникова, 1984, с. 3, 6; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 10, 11; Черемисин, 2004а, с. 37; и др.].

В августе 1961 г. небольшой отряд под руководством А. И. Мартынова, состоявший из студентов Кемеровского педагогического института А. Ларюковой и Л. Барыкиной, провёл обследование и фиксацию рисунков на писаницах Онгудайского района. Были обнаружены петроглифы различных эпох, среди которых «самую большую группу составляют писаницы раннетюркского или раннекыргызского времени» [Барыкина, 1962, с. 26]. Часть копий, выполненных в ходе этих полевых изысканий,

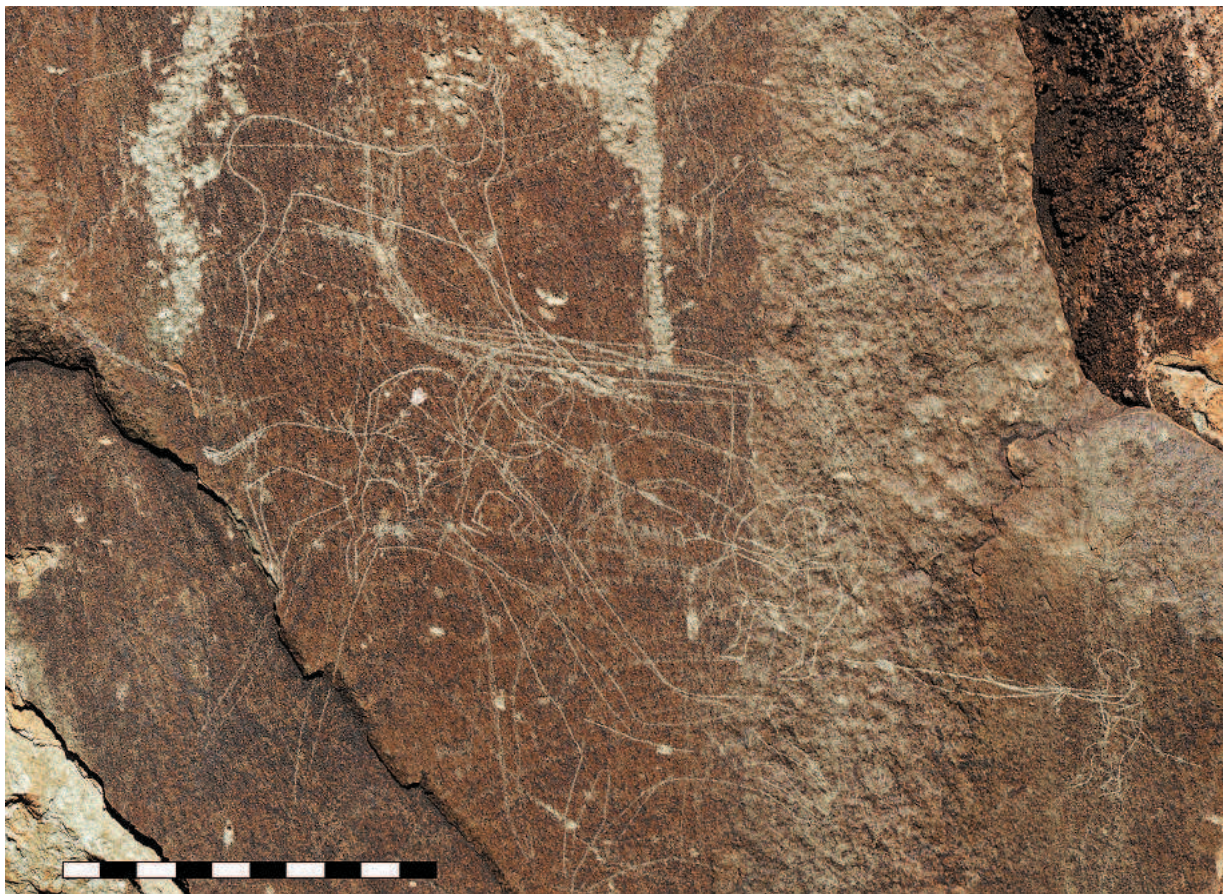

Рис. 4. Адыр-Кан. Фрагмент многофигурной композиции с батальной сценой и животными.

была передана на хранение в Горно-Алтайский краеведческий музей им. А. В. Анохина [Мартынов и др., 2013, с. 8].

Вернуться к исследованию наскальных изображений Алтая А. И. Мартынову удалось лишь спустя несколько лет. В 1970, 1977 и в 1980-е гг. под его руководством петроглифическая группа экспедиции кафедры археологии КемГУ занималась копированием рисунков в долине р. Каракол [Мартынов и др., 2013]. В 1980-е гг. основные работы проводились на комплексе Бичикту-Бом, известном исследователям уже в начале XX века, в том числе петроглифами тюркской эпохи. В нескольких публикациях А. И. Мартынов [1985, с. 81, 82; 1995, с. 178–185; др.] представил анализ раннесредневековых сцен охоты и баталлий, обнаруженных на этом памятнике. Результаты работ этих лет позднее были обобщены в монографии [Мартынов, Елин, Еркинова, 2006], отдельные параграфы которой посвящены рисункам второй половины I тыс. н.э. [Там же, с. 308–316].

В разные годы в работах на Алтае под руководством А. И. Мартынова принимают участие сотрудники кафедры археологии КемГУ

А. С. Васютин, Н. М. Зиняков, Е. А. Миклашевич, А. М. Илюшин и др. Благодаря их изысканиям, в ходе исследований тюркских ритуальных объектов была зафиксирована серия изображений, нанесённых на стелы. Так, стела с рисунками была найдена с восточной стороны одной из курганных оградок на р. Чаган-Узун у с. Бельтир в ходе разведочных работ Алтайского отряда Южносибирской экспедиции КемГУ совместно с Горно-Алтайским краеведческим музеем [Елин, Зиняков, 1977, с. 202]. Ещё одна была установлена с восточной стороны оградки в урочище Нижняя Сору близ с. Кулада в Онгудайском районе республики Алтай [Васютин, Елин, Илюшин и др., 1987, рис. 1].

В 1988 и 1989 гг. петроглифический отряд Южносибирской археологической экспедиции кафедры археологии КемГУ под руководством Е. А. Миклашевич продолжал работать в Центральном Алтае, изучая и копируя наскальные изображения различных хронологических периодов. Раннесредневековые рисунки, демонстрирующие, главным образом, сцены охоты и вооружённых всадников, а также две рунические надписи зафиксированы ею в урочище

Устю-Айры и на скалах у д. Туэкта [Martynov, Miklashevich, 1995; Миклашевич, 2003, рис. 8; 2006, с. 222, 223, рис. 5].

Во второй половине 1970-х и в 1980-е гг. объём сведений о петроглифических комплексах Алтая эпохи раннего средневековья значительно увеличивается. Открывались и в различной степени вводились в научный оборот новые памятники наскального искусства с руническими надписями и рисунками древнетюркского времени [Савинов, 1971; Шер, 1980, с. 125, 126; Елин, Томилов, 1992; Молодин, 1992; и др.].

Определённый вклад в изучение наскальных изображений Алтая внесла Е. А. Окладникова, в 1970-е – 1980-е гг. работавшая на многих петроглифических комплексах региона. Итоги её многолетних исследований опубликованы в монографии (1984), а также серии статей [1975; 1986; 1988; 1989; и др.]. В числе наскальных изображений различных хронологических периодов Е. А. Окладниковой зафиксировано большое количество рисунков эпохи раннего средневековья. Наиболее показательными из них являются петроглифы Кара-Оюка, Жалгыз-Тобе, Шалкобы и др., многофигурные композиции которых передают сцены охоты или баталлий, а одиночные фигуры представляют вооружённых всадников или охотников [Окладникова, 1986, рис. 4, 2; 1988, рис. 2–4; 1989, рис. 10, 4; и др.]. Е. А. Окладникова отметила, что аналогии раннесредневековым изображениям Алтая имеются в петроглифах Тувы, Минусинской котловины, Монголии, а также зафиксированы при исследовании комплексов, расположенных на более отдалённых территориях [1988, с. 152, 153]. Все рисунки древнетюркской эпохи по аналогии с раннесредневековыми петроглифами Тувы исследовательницей были разделены на две группы, обусловленные различием техники выполнения изображений и различием самих орудий, использовавшихся для нанесения рисунков. Изображения так называемого кудыргинского стиля представлены «утончёнными и динамическими образами», объединёнными в многофигурные композиции. В ином стиле выполнены тамгообразные или П-образные фигуры животных, фертообразные антропоморфные фигуры и другие петроглифы древнетюркского времени [Окладникова, 1984, с. 58].

Изучение наскальных изображений Алтая различных хронологических периодов являлось одним из приоритетных направлений ра-

Рис. 5. Адыр-Кан. Фрагмент многофигурной композиции с изображениями животных и рунической надписью.

Рис. 6. Жалгыз-Тобе. Изображения воинов.

боты В. Д. Кубарева. Вклад этого исследователя в изучение петроглифических памятников региона трудно переоценить. Обобщение результатов многолетних изысканий в данной области представлено в его совместной монографии с Е. П. Маточкиным [1992]. Важной частью книги стал свод наскальных изображений Алтая, среди которых были кратко описаны и местонахождения с петроглифами раннего средневековья. Начиная с 1984 г. и на протяжении последующих лет В. Д. Кубаревым проводились планомерные исследования на известных комплексах Калбак-Таш-I и II. Среди композиций, скопированных на этих памятниках, часть рисунков, главным образом, демонстрирующих сцены охоты и выполненных в технике гравировки, относятся ко второй половине I тыс. н.э. [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 2–6; Кубарев, 2007, рис. 1, 5; 2011, с. 63, прил. II, 2–5 и др.]. На святилище Калбак-Таш-I открыта также значительная серия тюркских рунических надписей [Кубарев, 2011, с. 392–402]. Отдельным направлением исследований В. Д. Кубарева стал

анализ сюжетов «охоты и войны» в раннесредневековых изображениях Алтая [Кубарев, 2001; 2003, табл. V, 7–10; и др.]. Несомненной заслугой исследователя является фиксация рисунков на стелах или плитах тюркских оградок, которым он придавал большое значение для решения вопросов атрибуции петроглифов на скалах [Кубарев, 1984, рис. 13–14, табл. XLVII и др.].

Наскальные изображения раннего средневековья активно выявляются и исследуются Чуйским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Г. В. Кубарева. Рисунки второй половины I тыс. н.э., выполненные гравированными или резными линиями, зафиксированы на памятниках Жалгыз-Тобе, Калбак-Таш-I и II, Кургак, Курмантау, Сырнах-Гозы [Кубарев, 2003; 2004; 2012; 2013]. Кроме того, в урочище Кургак, близ скалы Кызыл-Кабак и на святилище Большой Яломан-III выявлены четыре ранее не известные тюркские рунические надписи [Кубарев Г., Кубарев В., 2001; Кубарев, Кляшторный, 2002; Тугушева, Кляшторный, Кубарев, 2014].

Целенаправленным изучением наскальных изображений Юго-Восточного Алтая в последние десятилетия занимается Д. В. Черемисин. В ходе многолетних работ им выявлено и зафиксировано значительное количество рисунков различных хронологических периодов от эпохи энеолита до этнографической современности. Среди них особого внимания заслуживают гравированные и выбитые изображения раннего средневековья, исследованные на плоскостях известной горы Жалгыз-Тобе, в урочище Теке-Туру, а также в долине р. Чаган [Черемисин, 2000; 2001; 2002; 2004б; 2011; и др.]. Обобщение выявленных им наскальных рисунков тюркского времени представлено в специальной статье [Черемисин, 2004б]. В публикациях последних лет исследователь обратился к актуальной проблеме методики копирования гравированных наскальных изображений различных хронологических периодов, в том числе раннего средневековья [Черемисин, 2011а–б]. В 2013 г. Д. В. Черемисин в сотрудничестве с Е. А. Миклашевич и Л. Л. Бове проводились работы на памятниках Центрального (Торгун, Калбак-Таш II) и Юго-Восточного (местонахождения по берегам р. Чаган) Алтая, в ходе которых с помощью современных методов фиксации тончайших гравировок удалось

осуществить документирование серии рисунков второй половины I тыс. н.э. [Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013, с. 370, рис. 1].

В последние годы на памятниках Центрального и Юго-Восточного Алтая после длительного перерыва возобновили работу петроглифические отряды экспедиции кафедры археологии КемГУ. Различный опыт и возможности участников двух отрядов часто демонстрируют противоположные результаты при документировании изображений, в том числе и раннесредневековых, на одних и тех же памятниках. С 2006 г. осуществляет ежегодные изыскания отряд под руководством А. И. Мартынова [Мартынов и др., 2010; 2013; Мартынов, 2014; и др.]. С 2007 г. на нескольких комплексах, расположенных в Онгудайском районе Республики Алтай, работает Е. А. Миклашевич. Среди большого количества разновременных композиций ею выявлены раннесредневековые сцены, выполненные резными линиями [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 234–239; Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013, с. 370, рис. 1; Миклашевич, Мухарева, Бове, 2015, с. 37, 46, рис. 10; и др.]. В 2014 г. Е. А. Миклашевич было завершено исследование памятника Торгун, расположенного близ д. Бичикту-Бом на правом берегу р. Каракол. По специальной методике сфотографированы ранее обнаруженные плоскости и выявлена серия тонких детализированных гравированных рисунков тюркской эпохи [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2015, с. 46], к сожалению, большей частью пока неопубликованных [Серегин, Матренин, 2014, фото 43].

Одной из важных тенденций, получивших отражение в работах последних десятилетий, стало привлечение результатов изучения наскальных изображений для реконструкции различных аспектов истории и культуры раннесредневековых кочевников Алтая. Примером подобного исследования являются публикации В. В. Горбунова [1998; 2003; 2006; и др.]. В серии статей и монографиях археолог использовал изображения второй половины I тыс. н.э. при анализе комплекса вооружения номадов, конкретизировав ряд аспектов их военного искусства. Сцены охоты, получившие определенное распространение среди рисунков тюркского времени, стали важным источником для детализации особенностей охотничьей деятельности населения региона

Рис. 7. Хар-Хад. Композиция с катафрактариями.

Рис. 8. Хар-Хад. Фрагмент композиции с катафрактариями.

Рис. 9. Хар-Хад. Сцена охоты лучника с собаками на оленя; фигура между лучником и оленем нанесена позднее.

в работе В. И. Соенова и Н. А. Константинова [2014]. Раннесредневековые петроглифы Алтая использованы А. Н. Мухаревой [2007а–б] при анализе изобразительных традиций в культуре кочевников второй половины I тыс. н.э.

В результате полевых исследований, осуществлённых в последние десятилетия, серьёзным образом увеличилось количество известных изображений раннего средневековья на территории Монгольского Алтая. Особенно эффективными стали работы на комплексах Шивээт-Хайрхан, Цагаан-Салаа, Хар-Салаа и др., осуществлённые под руководством В. Д. Кубарева [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005; Кубарев, 2002; 2009; и др.]. Интересные результаты были получены в ходе работ в 2011 и 2013 гг. Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции в урочище Хар-Хад, известном специалистам-археологам благодаря изображениям тяжеловооружённых всадников [Новгородова, 1981; 1984]. Новые исследования позволили не только уточнить ранее известную композицию с катафрактариями (рис. 7–8), пополнив её ещё одним изображением тяжеловооружённого воина [Тишкин, Горбунов, Мухарева, 2012], но и зафиксировать на памятнике новые сцены эпохи раннего средневековья (рис. 9).

Заключение

Таким образом, проведённый анализ истории изучения раннесредневековых петроглифов Алтая позволяет выделить три основных этапа:

Первый этап (XIX в. – 1950-е гг.) – период начального накопления сведений о наскальных изображениях региона. В это время отсутствовали целенаправленные исследования петроглифов второй половины I тыс. н.э. Рисунки тюркского периода не выделялись из массива изображений других эпох, не были определены их отличительные особенности. Некоторые стилистические характеристики изображений эпохи раннего средневековья отмечены в процессе анализа результатов работ на комплексе Кудыргэ, а также при сравнении отдельных сюжетов наскальных рисунков Алтая с известными синхронными комплексами Минусинской котловины.

Второй этап (1960-е – начало 1990-х гг.) – период целенаправленного изучения наскаль-

ных рисунков на территории Алтая. В это время в разных частях региона осуществляли работы экспедиции нескольких научных центров. Накопление значительного объёма материалов потребовало решения вопросов культурно-хронологической атрибуции изображений. Опыт интерпретации раннесредневековых петроглифов Алтая был представлен в ряде публикаций различного уровня. Впервые выделены отличительные характеристики изображений второй половины I тыс. н.э., что позволило обратиться к отдельным аспектам семантики зафиксированных образов и сюжетов.

Третий этап (конец XX – начало XXI вв.) – современный период изучения раннесредневековых петроглифов Алтая. Основной тенденцией является рассмотрение изображений на скалах, а также рисунков, зафиксированных при исследовании погребальных и поминальных комплексов, как важного источника для анализа различных аспектов истории кочевников Алтая второй половины I тыс. н.э. Результаты изучения петроглифов привлекаются при реконструкции военного дела и костюма nomадов, для определения приёмов охоты, детализации мировоззренческих представлений и пр. Важным шагом стало рассмотрение методических аспектов фиксации гравированных наскальных изображений, что способствует выработке наиболее эффективных приёмов их документирования. Получение значительного массива информации о наскальных рисунках Монгольского Алтая тюркского времени способствует выявлению как общих признаков, так и отличительных особенностей петроглифов второй половины I тыс. н.э. на различных территориях.

На сегодняшний день в области изучения раннесредневековых наскальных изображений Алтая накоплен значительный опыт. Актуальным направлением дальнейшей работы является обобщение итогов интерпретации петроглифов второй половины I тыс. н.э. на территории региона. Это позволит не только представить спектр исследовательских позиций, проследить эволюцию взглядов специалистов по различным аспектам анализа петроглифов и систематизировать проблемы семантики изобразительных комплексов, но также будет способствовать определению перспектив дальнейших работ в указанном направлении. Не менее важным, учитывая значительный объём имеющихся материалов, представляется подготовка обобщающего ис-

следования, включающего свод известных рисунков, а также накопленный опыт решения вопросов культурно-хронологической атрибуции памятников, выделения и интерпретации основных сюжетов и стилистических традиций. Кроме того, большое значение для реконструкции особенностей развития культуры раннесредневековых кочевников будет иметь сопоставление результатов исследования наскальных изображений на Алтае с подобными комплексами на сопредельных территориях.

Литература

Азбелев П. П. Кудыргинский сюжет. – СПб: Лима, 2010. – 60 с.

Барыкина Л. Писаницы Алтая // Сборник научных студенческих работ. – Кемерово: КемГПИ НСО, 1962. – Вып. 1. – С. 23–32.

Васютин А. С., Елин В. Н., Илюшин А. М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 107–114.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Горбунов В. В. Тяжеловооружённая конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 102–128.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 174 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.

Демин М. А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.

Длужневская Г. В. Ещё раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974 г. – М: Наука, 1978. – С. 230–237.

Дэвлет М. А. А. В. Адрианов и Алтай // ALTAICA. – 1994. – №4. – С. 45–50.

Дэвлет М. А. А. В. Адрианов как исследователь Алтая // Алтайский сборник. – Барнаул: Изд-во «Алтай», 1997. – С. 113–134.

Евтюхова Л. А. К вопросу о писаницах Алтая // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVI. – С. 189–190.

Елин В. Н., Зиняков Н. М. Разведочные работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 202–203.

Елин В. Н., Томилов А. М. Граффити Жалгыз-Тобе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 77–78.

Еркинова Р. М., Кубарев Г. В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 88–97.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В. Д. Сенмурв из Калбак-Таша // Семантика древних образов: Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 94–97.

Кубарев В. Д. К истории изучения древнетюркской эпиграфике Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1992. – С. 68–73.

Кубарев В. Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – №4. – С. 186–201.

Кубарев В. Д. Всадники из Хар-Салаа // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 3–11.

Кубарев В. Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – №11. – С. 23–35.

Кубарев В. Д. Калбак-Таш-II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 282–287.

Кубарев В. Д. Петроглифы Шивээт-Хаирхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 124 с.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев Г. В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в эпоху средневековья. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 242–246.

Кубарев Г. В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 75–84.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г. В. Петроглифы Сырнах-Гозы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 195–200.

Кубарев Г. В. Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 340–345.

Кубарев Г. В., Кляшторный С. Г. Тюркские рунические эпиграфии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 78–82.

Кубарев Г. В., Кубарев В. Д. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 341–342.

Кызласов И. Л. Руническое письмо в горах Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1992. – С. 73–76.

Кызласов И. Л. Раннесредневековые личные тамги и надписи на скалах Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 246–250.

Мартынов А. И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. – С. 80–87.

Мартынов А. И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 178–185.

- Мартынов А. И.** Бичикту-Бом. Археологическое наследие Республики Алтай. – Кемерово: Изд-во Книга, 2014. – 43 с.
- Мартынов А. И., Базайченко А. В., Дворников Э. П., Мамыева Н. А., Штанов Е. С.** Священные горы Каракольской долины (левобережная часть). – Кемерово: Изд-во Книга, 2013. – 239 с.
- Мартынов А. И., Елин В. Н., Еркинова Р. М.** Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – 346 с.
- Мартынов А. И., Чигаева В. Ю., Базайченко А. В., Штанов Е. С., Симонова И. Л., Мосина А. Е.** Туру-Алты (Карачат). – Кемерово: Изд-во Книга, 2010. – 144 с.
- Миклашевич Е. А.** Петроглифы долины реки Урсул (некоторые результаты стилистического и хронологического анализов) // Археологическое обозрение. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 38–42.
- Миклашевич Е. А.** Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 84–91.
- Миклашевич Е. А.** Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 219–235.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н.** Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: КемГУ, 2011. – Вып. VII. – С. 233–246.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л.** Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2012–2014 гг. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово: Изд-во Азия-Принт, 2015. – Вып. 1. – С. 29–52.
- Миновский А. И.** Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVI. – С. 184–188.
- Могильников В. А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 28–43.
- Молодин В. И.** Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 91–93.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В.** Периодизация наскальных изображений плоскогогорья Уюк (юго-западный Алтай) // Наскальное искусство Азии – Кемерово: КемГУ, 1995. – Вып. 1. – С. 24–25.
- Мотов Ю. А.** К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ) // История и археология Семиречья. – 2001. – Вып. 2. – С. 63–86.
- Мухарева А. Н.** Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2007а. – Т. 6. – Вып. 3: Археология, этнография. – С. 189–198.
- Мухарева А. Н.** Сюжетные композиции эпохи раннего средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2007б. – 23 с.
- Новгородова Э. А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новгородова Э. А.** Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник 1977. – М.: Наука, 1981. – С. 203–218.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.** Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 136 с.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.** Петроглифы Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1980. – 140 с.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.** Петроглифы Чанкыр-Келя. Алтай. Елангаш. – Новосибирск: Наука, 1981. – 146 с.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.** Наскальные рисунки урочища Сары-Сатак. – Новосибирск: Наука, 1982. – 149 с.
- Окладникова Е. А.** Петроглифы Куюса (долина р. Катунь, Алтай) // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 122–129.
- Окладникова Е. А.** Петроглифы Средней Катунь. – Новосибирск: Наука. 1984. – 110 с.
- Окладникова Е. А.** Петроглифы горы Жалгыз-Тепе // Полевые исследования Института этнографии. – М.: Наука. 1986. – С. 183–190.
- Окладникова Е. А.** Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная

культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140–158. (Сборник МАЭ. – Т. XLII)

Окладникова Е. А. Петроглифы урочища Шалкобы (Горный Алтай) // Новое в этнографии: Полевые исследования. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 130–141.

Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 37–52.

Савинов Д. Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // Археологические открытия 1971 года. – М.: Наука, 1972. – С. 286–287.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. – Барнаул: Азбука, 2014. – 230 с.

Соенов В. И., Константинов Н. А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – 310 с.

Суразаков А. С. К семантике изображений на кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 45–55.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Мухарева А. Н. Катафрактарии Хар-Хада // История и культура средневековых народов степной Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 221–226.

Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). – Барнаул: Азбука, 2010. – 288 с.

Тугушева Л. Ю., Кляшторный С. Г., Кубарев Г. В. Надпись уйгурским письмом и рунические надписи из местности Уркош (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – №4 (60). – С. 77–82.

Хороших П. П. Изображения на скале Ялбак-Таш // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXV. – С. 132–133.

Хороших П. П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // КСИИМК. – 1947. – Вып. XIV. – С. 26–34.

Черемисин Д. В. Исследование петроглифов г. Джалгыз-Тобе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 435–440.

Черемисин Д. В. Исследование наскальных изображений на юге Горного Алтая в 2001 г.: Петроглифы Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 480–485.

Черемисин Д. В. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 491–496.

Черемисин Д. В. Памятники Алтая (Республика Алтай) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: «Искандер», 2004а. – С. 37–43.

Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2004б. – №1 (17). – С. 40–51.

Черемисин Д. В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011а. – С. 146–160. (Труды САИПИ. – Вып. 7).

Черемисин Д. В. О копировании граффити Горного Алтая // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011б. – Т. 2. – С. 175–178. (Труды САИПИ. – Вып. 8).

Черемисин Д. В., Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 369–373.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Kubarev V., Jacobson E. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. – Fasc. №3: Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altaï). – Paris: De Boccard, 1996. – 256 p. (Mémoires de la Mission Archeologique Française en Asie Centrale. Tome V. 3).

Martynov A. I., Miklashevich E. A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // INORA – 1995. – №10. – P. 15–17.

HISTORY OF THE STUDY OF PETROGLYPHS DATED AS OF THE EARLY MIDDLE AGES ON THE TERRITORY OF ALTAI

N. N. Seregin, A. N. Mukhareva

In the article the study of petroglyphs dated as of the early Middle Ages in Altai is presented. Process of data accumulation about drawings of the second half of the 1st thousand A.D. from different parts of the region is considered. In the history of the study of Altai early medieval petroglyphs three main stages are distinguished: 1) the XIXth century – the 1950s is the period of initial data accumulation on rock drawings; 2) the 1960s – the beginning of the 1990s is the period of the purposeful study of rock drawings on the territory of Altai; 3) the end of the XXth century – the beginning of the XXIst century is the modern period. The main tendency of the present day is the consideration of rock drawings and also images found during researching of funeral and commemorative complexes as an important source for the analysis of various aspects of the Altai nomads' history in the second half of the 1st thousand A.D.

Key words: Altai, petroglyphs, the early Middle Ages, history of the study, periodization, the Turkic culture

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В 2005 ГОДУ

Минор В. А.

УДК 903.5

В статье представлены материалы охранных археологических раскопок, производившихся автором в 2005 году на территории реконструкции здания Национального банка в г. Абакан. В ходе раскопок были исследовано 27 погребений VII в. до н.э. – XIX в. н.э.

Ключевые слова: Минусинская котловина, озеро Игир-оба-куль, тагарская культура, таштыкская культура, средневековые погребения, этнографические погребения.

Весной 2005 г. в центре г. Абакан, на территории Национального банка республики Хакасия, расположенной к востоку от парка «Орлёнок», проводились охранные археологические раскопки южной части большого разновременного могильника, оказавшегося в зоне городской застройки. Данная статья посвящена вводу в научный оборот основных результатов проведённых работ.

Раскопанные погребения в древности находились на берегу старого русла р. Абакан, позднее превратившегося в оз. Игир-оба-куль, осушённого в начале 30-х годов XX в. Местность, на которой расположен могильник, сильно изменена строительными работами. По сведениям местных жителей и архивным источникам, ранее здесь находилась небольшая возвышенность, на которой стояло каменное изваяние Игир-оба, давшее название озеру. По картам начала 30-х годов XX в. на берегу озера, примерно на месте раскопок, располагался хакасский улус Аткинин. Позже, при осушении озера и строительстве здания банка, возвышенность была частично срезана, а кое-где произведена подсыпка, поднявшая общий уровень примерно на метр. Поэтому большинство погребений находится гораздо глубже первоначального уровня. В ходе строительных работ большинство надмогильных конструкций было уничтожено. Кроме того, большая часть этнографических погребений при этом была разграблена.

Ранее уже дважды – в 1949 и 1995 гг. – во время реконструкции здания банка на его территории производились аварийные раскопки. Так, в 1949 г. археолог Хакасского краеведческого музея

А. Н. Липский во время строительных работ на территории банка обнаружил и раскопал грунтовый склеп таштыкской культуры [Липский, 1956, с. 11]. Позже, в 1995 г., в связи с перестройкой здания банка, здесь вновь проводились археологические раскопки под руководством археолога из С.-Петербурга М. Л. Подольского. В ходе раскопок на разных уровнях было обнаружено несколько разновременных погребений от эпохи поздней бронзы (карасукская культура) до второй половины XIX – начала XX в., включая грунтовые погребения таштыкской культуры, вероятно, связанные с раскопанным ранее склепом.

В ноябре 2004 г. в связи с предстоявшей перестройкой здания банка были заложены разведочные шурфы в границах будущего котлована, показавшие наличие погребений на всей территории будущего строительства. После сноса старого здания банка весной 2005 г. раскопки были продолжены. Было исследовано 27 погребений. Общая площадь раскопа составила 563 кв. м. По возрасту погребений в могильнике выделяется более ранняя юго-восточная часть, где находились захоронения тагарской, таштыкской культур, эпохи средневековья и более поздняя северо-западная с пристроенными в последующем этнографическими погребениями. Нумерация могил производилась в порядке их исследования.

Могила 1 располагалась в 7 м к югу от северного края котлована и в 20 м к востоку от западного края котлована. Глубина погребения от современной дневной поверхности около 0,7 м. Погребение ориентировано по линии запад-восток. Костяк лежит головой на запад (рис. 1, 1). Погребение совершено в деревянной